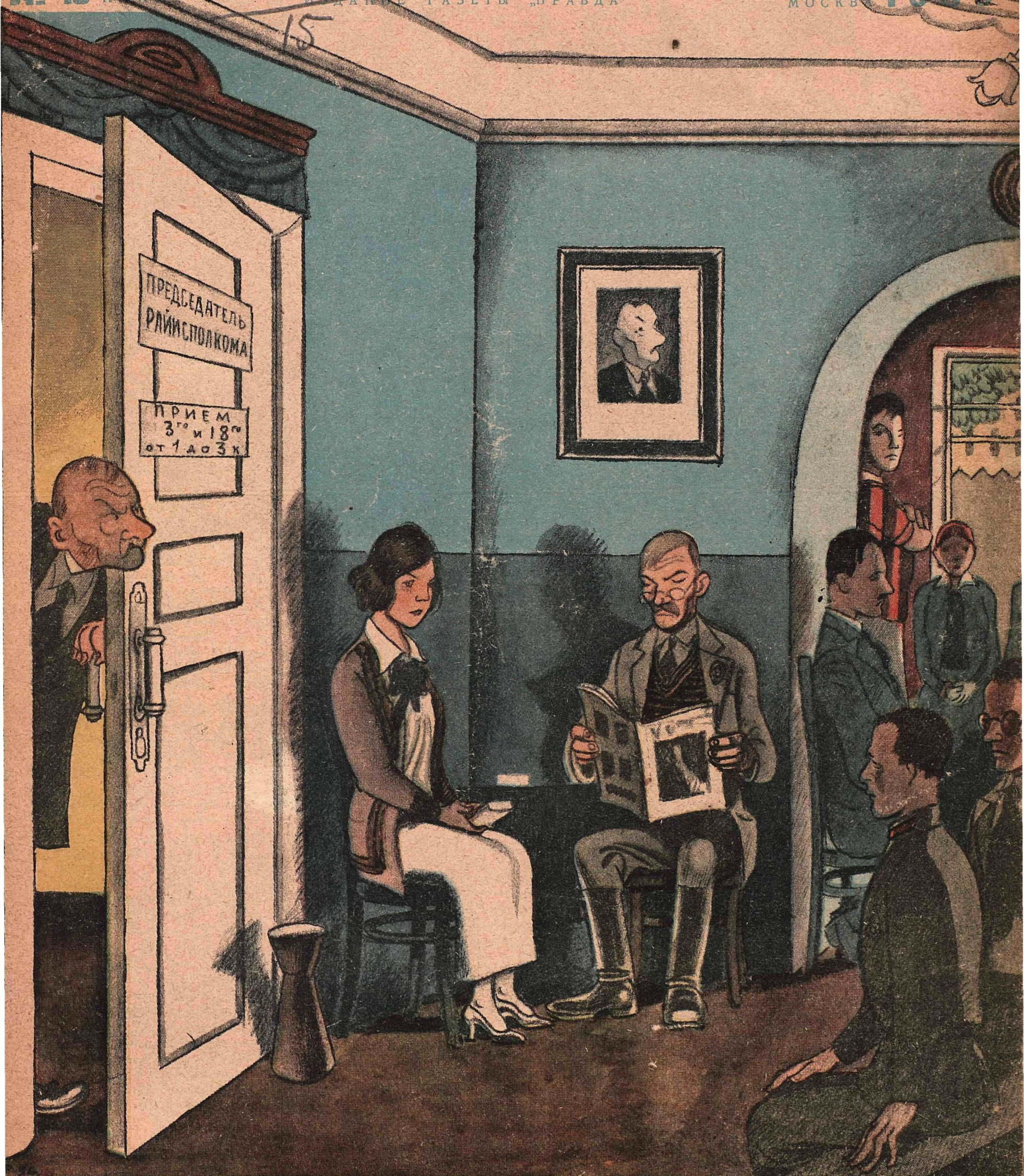

К556
15

УЖАС БЮРОКРАТА

— Страшно подумать: ведь каждый из них не только посетитель, но и избиратель.

Рис. Ю. Гинфа

Рис. Л. Генча

— Где же все-таки ваш парк культуры?
 — Вы что—вывеску не видите, что ли?

ДОН-ЖУАН

Нельзя сказать, чтобы эта разновидность советского гражданина встречалась особенно часто. Но все же встречается.

На службе он ничем не отличается от товарищей. Он работяга, активист, крепкий общественник.

Он прекрасно усвоил все слова и выражения, необходимые для того, чтобы прослыть неподкупным борцом за советскую демократию.

Но присмотритесь к нему. Понаблюдайте за ним. Нырните в глубины его, если так можно выразиться, психики, его, так сказать, внутреннего мира. И вот станет ясно, что «родина», «демократия», «народ», «наша чудесная, изумительная жизнь», «внимание к человеку» и т. д.— все это не что иное, как великолепная маска Гражданина (с большой буквы), под которой скрывается плюгавенькая мордашка гражданина (с маленькой буквы, в милицейско-протокольном значении этого слова).

Если на работе он, предположим, заведующий подотделом ягодных сиропов и цитрусовых эссенций треста «Бродбредшипводторг» тов. Редькин, то в частной жизни он демоническая натура, любитель всего прекрасного, покоритель сердец, неисправимый Дон-Жуан, сноб и эстет.

Женщина! Вот стержень, на котором вращается для Редькина вселенная.

Основа редькинских успехов — отдельная, изолированная комната.

«Было бы где, а кто и когда—это уже детали».

У Редькина есть еще небольшой набор инструментов: патефон с четырьмя пластинками (две «с Лещенко», две «с Вертинским»), бутылка портвейна, хитроумно разбавленного водкой, два пирожных, какой-нибудь томик «Академии» с античными гравюрами и технический справочник (для солидности).

Разумеется, телефон. Потому что без телефона Редькин, как без рук.

Придя домой, Редькин, даже не вымыв рук, тотчас достает поместительную записную книжку и углубляется в дебри телефонных номеров. Он неторопясь перелистывает ее, как ресторанное меню. Его глаза, глаза знатока и гурмана, скользят по колонкам цифр и имен, изредка останавливаясь на каком-нибудь имени, снабженном одному Редькину ведомым значком. Редькин морщит лоб и бормочет:

— Лена. Не годится. Чересчур упрямая. Лена другая — в отпуску. Валя. В больнице. Аборт делает. Гм. Люся. Гм... Какая это Люся? Дай бог памяти! Ах да! В скобках—кружок. Это та, которая в прошлый подвыходной дала по морде. Ну ее к черту! Не годится. Посмотрим дальше. Зоя номер три. Так-с. Это, кажется, подходит.

— Алло? Это Зюечка? Здравствуйте, Зюечка. Ну, что вы подельваете? Как поживаете? Кто говорит? А вы догадайтесь. Нет, не Коля. Нет, не Вася. Нет, не Боря. Ну? Неужели вы не узнаете по голосу? Ну, одним словом, это тот самый интеллигентный человек, который с вами познакомился по-

завчера в метро и записал ваш телефон. Теперь припомните? Ну вот и чудесно! Что вы сегодня вечером делаете? Ничего? Отлично. Я тоже—ничего. Может быть, вы зайдете вечерком ко мне, вместе будем ничего не делать. Как говорится, на огонек. Чайку попьем... Что? Лучше в театр? Фи, какая пошлость!.. Лучше ко мне. Не ходите к холостым? Мещанство. Нет? Ну нет, так нет. До свидания.

— Подумаешь! — бормочет Редькин. — Ишь, какая хитрая! — и вызывает следующий номер.

— Это вы, Олечка? Здравствуйте. Как поживаете? Что подделываете? Вечерком свободны? Заходите. Чайку попьем. Посидим. Поговорим. Вертинского заведем. Лещенко заведем. На каток? Фу, как глупо! Впрочем, если хотите,— сначала попьем, а потом на каток. Что? Сначала на каток? Нет, сначала чайку... Словом, не хотите? Ну, не хотите, как хотите...

Редькин работает возле телефона в потё лица. И, разумеется, в конце концов находится какая-нибудь наивная «Манечка с Электрокомбината», которая соглашается зайти на полчаса послушать Лещенко.

Тут Редькин суетливо надевает грязноватую, но тем не менее довольно полосатую пижаму, чистит уши одеколоном и начинает ждать.

Звонит телефон.

— Алло! У аппарата Редькин. Здравствуйте. А кто это, собственно, говорит? Тася? Здравствуйте. А, простите, какая, собственно, это Тася? Что? Нет, у меня их немного, но все-таки. Ах, это та, которая у меня была два месяца тому назад? Гм... Припоминаю. Ну, здравствуйте. Почему не звонил? Телефон потерял. Что? Надо со мной серьезно поговорить? Вы меня пугаете! А что такое? Чувствуете себя беременной? Ну, а я при чем? А может быть, это не я? Я? Вы уверены? Ну так тем лучше. Посоветоваться? Об чем же советовать? Аборт. Одно единственное, что я могу посоветовать. Нет, нет. Ради бога, ко мне не приходите. Я сегодня уезжаю в длительную командировку. А до этого ко мне должен прийти один товарищ по серьезному делу. Что? А вы, гражданка, будьте любезны, не смейте ругаться по телефону, а то я позвоню сейчас же на станцию, и вам телефон снимут. Идите вы, знаете, к черту!

Редькин злобно вешает трубку и бормочет:

— Такая нахапка! Хамка!..

Вечером раздаётся робкий звонок и входит «Манечка с Электрокомбината». У нее беретик сидит на боку, из-под беретика на половину лица падает русая гривка, щеки красные, глаза синие, рот как черешенка.

— Здравствуйте. Я к вам только на полчаса. Послушать Лещенко. Послушаю и пойду.

Редькин поспешно садится на стул и делает широкий жест:

— Садитесь, пожалуйста.

Манечка мнется и садится на диван. Не вставая со стула, Редькин деловито заводит Лещенко. Потом подсаживается к Манечке на диван. Стоит ли передавать их разговор, вечный, как мир?

— Что ж вы отодвигаетесь от меня? Вот чудачка. Я придвигаюсь, а она отодвигается. Жарко? Это значит: у нас хорошо топят. Дайте я вам погадаю по руке. Вы знаете, вы мне почему-то ужасно нравитесь. Никто, представьте себе, не нравится, а вы, как это ни странно, нравитесь. Честное слово. Я, знаете, ужасно одинок. Выпейте рюмку портвейна. Это совсем как вода. Все равно что сидро, Никакой разницы. Я вам отвечаю, что вы будете совершенно трезвая. Почему я наливаю в стакан? А это потому, что у меня нету рюмок. Холостяк. Вот, когда женюсь, заведу себе все хозяйство. На ком женюсь? Ха-ха-ха. А это от вас зависит, Верочка. Манечка? Ну тем лучше. Итак выпьем за любовь! За крепкую семью! Я ведь, как это ни странно, принципиально стою за крепкие половые отношения. Я этого не понимаю: сегодня с одной, завтра с другой. Мне это органически чуждо. Ну, будем здоровы! Пейте до дна, до дна. Раз за любовь, — значит, до дна! Вот так. Умница. А теперь еще одну рюмочку за взаимность. Что? Вы уже пьяная? Ни за что не поверю. Кушайте пирожное. Ну, не будьте такая. Что? Зачем закрываю свет? А чтобы он в глаза не бил... Ничего. Не поздно. Я вас подброшу домой на машине. У меня есть машина.

— Ну вот видите—и ничего страшного не произошло.

ОПОЗНАВАТЕЛЬНЫЙ ЗНАК

Рис. К. Р.

— Почему ты пропустил его на стадион без контрамарки?
— А зачем? По спине видно, что он уже сидел на своем месте.

ТРАВОВАЖАДНЫЕ

Один из героев О'Генри говорит:

«Я сделался таким блестящим литератором, что могу даже написать афишу».

Повидимому, и в наших условиях искусство составления афиши является одним из труднейших видов популярной литературы. Об этом говорят многочисленные образцы тех самых афиш, какие иногда появляются на периферии. Вот, например, образец афиши, красовавшейся наднях на дверях клуба Касум-Кента (Джестан):

«Гастроли популярного атлета-борца
РОМАН ГОРЬЦ
Работа гириями, сгибание прутья,
железных балок, ломание столба.
До высшая степень развития мускулатуры.
Вид горбатого, хромого, кривошея и прочие виды»

Не менее эффектна афиша одного из раз'ездных периферийных зверинцев, любезно предоставленная нам дирекцией Днепропетровского зверинца. Текст ее, во всей его красоте и величии, таков:

«Прибыл и открыт сегодня и ежедневно
с 9 ч. утра до 11 ч. веч.
ГОСЗВЕРИНЕЦ
сразнообразным составом хищных,
кровожадных и травоважных
зверей и птиц.
Невыданное исключительное по своему интересу
зрелище ФР. ПЦУЗСКАЯ БОРЬБА с 12 пудовым медведем.
АНОНС: на днях начнется гастроли укротительницы
львов АГРАФИНЫ».

А в конце афиши еще одна любопытная рекламная деталь:

«Зверинец покупает бракованных лошадей».

Для чего нужны зверинцу бракованные лошади, это уже вопрос чисто цеховой, но мы делаем скромную попытку догадаться: не для составления ли подобных афиш? Ведь честную, небракованную лошадь вряд ли заставишь написать такую галиматью!

И не так поздно. Половина второго. Вы еще захватите последний трамвай. До свиданья. Так я вам буду звонить завтра. Или послезавтра. До свиданья. Бегите скорей, а то трамвая не застанете. Проводить вас? С удовольствием бы, но плохо себя чувствую. Мне врачи не велют выходить на улицу.

И катался, катался товарищ Редькин до сих пор как в масле.

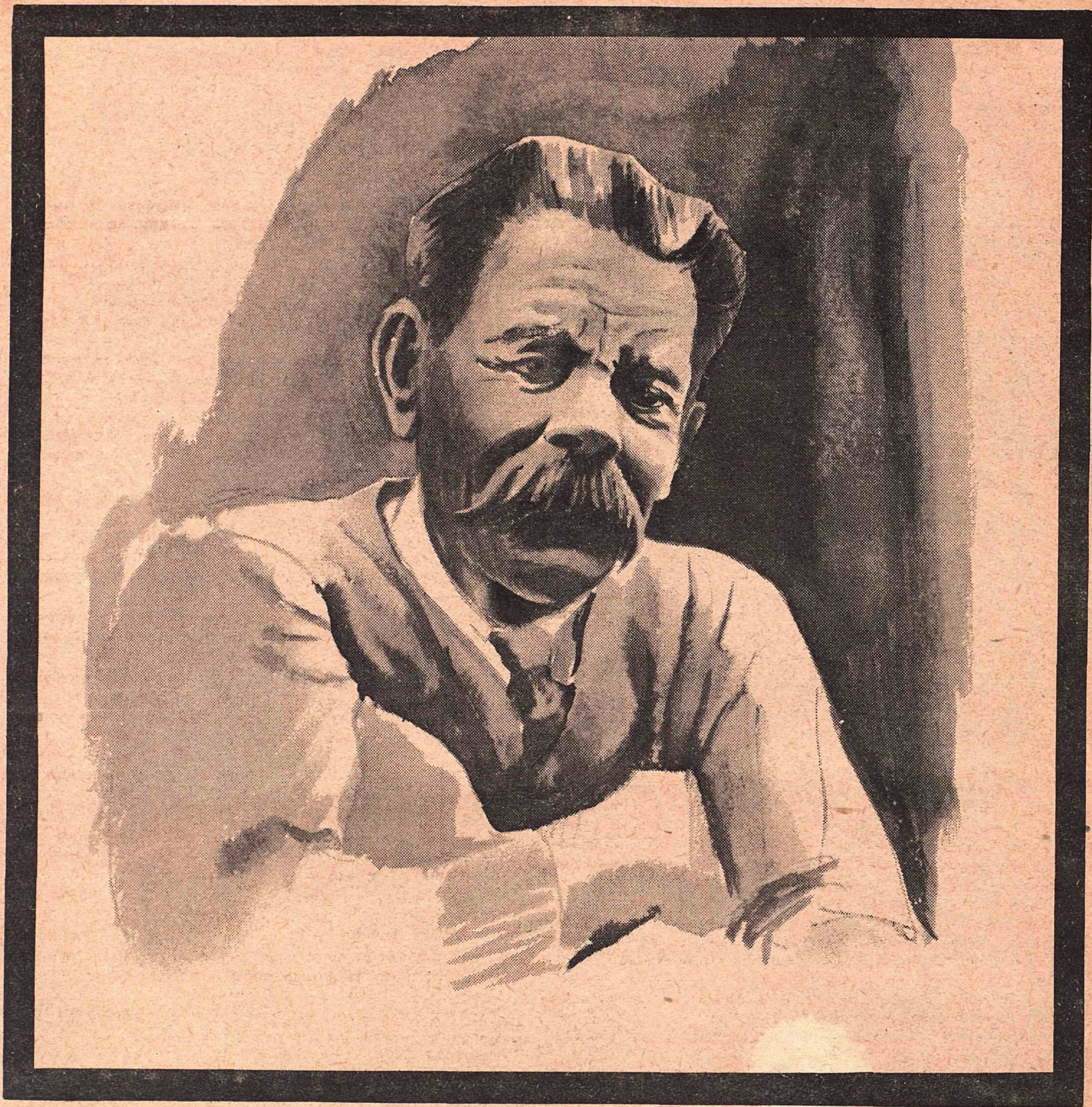
А теперь — такая неприятность.

Широкая советская демократия... Законы об абортах... Ответственность перед родиной...

Хоть караул кричи.

Ах, Редькин, Редькин! Неважная для тебя начинается полоса...

ВАЛЕНТИН КАТАЕВ

Умер Алексей Максимович Горький — гениальный мастер слова, великий гуманист, революционер, учитель писателей и народа. Вместе со всей страной, со всем миром крокодильды с огромной болью переживают эту утрату. Алексей Максимович был веселый человек, всегда полный юмора, иронии, шутки. Он был и гневным сатириком, неравненным в обличении эксплуатации, мещанства, грубости, хамства. Он любил советскую сатиру, дружил с писателями и художниками нашего журнала. И они любили его, горячо, нежно, весело.

Горького больше нет среди нас. Но можно ли сказать, что он ушел из жизни? В веках будет греметь голос великого писателя, чьими счастливыми современниками мы были. И всегда его веселая, обличительная насмешка будет убивать все серое, гнилое, подлое, враждебное грядущему человечеству.

Михаил Кольцов, Л. Лагин, Л. Ровинский, Аркадий Бухов, Михаил Зоценко, Б. Левин, В. Ардов, Кукрыниксы, К. Ротов, Бор. Ефимов, Ефим Зозуля, Л. Бродаты, В. Катаев, Г. Рыклин, А. Аграновский, Л. Никулин, И. Ильф, Евгений Петров, Л. Ленч, Ю. Ганф, М. Черемных, А. Радаков, Л. Сойфертис, М. Храпковский.

РАЗГОВОР ПТИЦ*

В саду за окном моей комнаты по голым ветвям акаций прыгают воробьи и оживленно разговаривают, а на коньке крыши соседнего дома сидит почтенная ворона и, слушая говор серых пташек, важно покачивает головой. Теплый воздух, пропитанный солнечным светом, приносит мне в комнату каждый звук, и я слышу торопливый и негромкий голос ручья, слышу тихий шорох ветвей, понимаю, о чем воркуют голуби на карнизе моего окна, и вместе с воздухом мне в душу льется музыка весны.

— Чик-чирик, — говорит старый воробей, обращаясь к товарищам. — Вот и снова мы дождались весны. Не правда ли? Чик-чирик.

— Фа-акт, фа-акт, — грациозно потягивая шею, отзывается ворона.

Я хорошо знаю эту солидную птицу: она всегда выражается кратко и не иначе, как в утвердительном смысле. Будучи от природы глупой, она еще и пуганая, как большинство ворон. Она занимает в обществе прекрасное положение и каждую зиму устраивает что-нибудь благотворительное для старых голубей. Я знаю воробья: хотя с виду он кажется легкомысленным и даже либералом, но, в сущности, эта птица себе на уме. Он прыгает около вороны с виду почтительно, но в глубине души хорошо знает ей цену и никогда не прочь рассказать о ней две — три пикантных истории.

А на карнизе окна молодой щеголеватый голубь горячо убеждает скромную голубку: «Я умру, умру от разочарования, если ты не поделишь со мною любовь мою».

— А знаете, сударыни, чижики прилетели, — сообщает воробей.

— Фа-акт.

— Прилетели и шумят, порхают, щебечут... Ужасно беспокойные птицы. И синицы явились за ними... как всегда, хе-хе-хе. Вчера, знаете, я спросил в шутку одного из них: «Что голубчик, вылетели?» Ответил дерзостью... В этих птицах совершенно нет уважения к чину, званию, общественному положению собеседника. Я надворный воробей.

Но тут из-за угла трубы на крышу неожиданно явился молодой ворон и вполголоса отрапортовал: «Внимательно прислушиваясь по долгу службы к разговорам всех, населяющих воздух, воду и недра земли, тварей и неукоснительно следя за их поведением, честь имею донести, что означенные чижики громко щебечут о всем и осмеливаются надеяться на якобы скорое обновление природы».

— Чик-чирик, — воскликнул воробей, беспокойно оглядываясь на доносителя.

А ворона благонамеренно покачала головой.

— Весна уже была, она была уже не однажды, — сказал воробей. — А насчет обновления всей природы это... конечно, приятно, если происходит с разрешения тех сил, коим надлежит сие вестать.

— Фа-акт, — сказала ворона, окинув собеседника благосклонным оком.

— К вышеизложенному должен добавить, — продолжал ворон, — означенные чижики выражали недовольство по поводу того, что ручьи, из которых они утоляют жажду, якобы мутны, некоторые из них дерзают даже мечтать о свободе...

— Ах, это они всегда так, — воскликнул старый воробей. — Это от молодости у них, это ничуть не опасно. Я тоже был молод и тоже мечтал о... ней. Разумеется, скромно мечтал... Но потом это прошло. Явилась другая «она», более реальная... хе-хе-хе... и, знаете, более приятная, более необходимая воробью... хе-хе...

* Известные вот уже 35 лет широчайшим массам трудящихся гениальные строки «Буревестника» являются только заключительной частью произведения «Весенние мелодии». Первая часть «Весенних мелодий», публикуемая нами под названием «Разговор птиц», была целиком вычеркнута царской цензурой.

— Э-гм, — раздалось внушительное крихтенье. На ветвях липы явился действительный статский снегирь, он милостиво раскланялся с птицами и заспорил:

— Э-гм, замечаете ли вы, господа, что в воздухе пахнет чем-то, э?

— Весенний воздух, ваше-ство, — сказал воробей.

А ворона только склонила голову набок и каркнула звуком нежным, как блеяние овцы.

— Н-да... вчера за винтом тоже говорил один потомственный почетный филин... чем-то, говорит, пахнет... А я отвечаю: заметим, понюхаем, разберем. Резонно, э?

— Точно так, ваше-ство...

— Вполне резонно, — согласился почтительно старый воробей. — Всегда, ваше-ство, надо подождать. Солидная птица всегда ждет.

На проталину сада спустился с неба жаворонок и, озабоченно бегая по ней, забормотал:

— Заря своей улыбкой нежно гасит в небе звезды... ночь бледнеет, ночь трепещет, и, как лед на солнце, тает тьма ночной покров тяжелый... Как легко и сладко дышит сердце, полное надежды встречи света и свободы...

— Это что за птица? — спросил снегирь, прищуриваясь.

— Жаворонок, ваше-ство, — строго сказал ворон из-за трубы.

— Поэт, ваше-ство, — снисходительно добавил воробей.

Снегирь искоса посмотрел на поэта и прохрипел:

— М-м... какой серый... прохвост. Он что-то там насчет солнца, свободы прошелся, кажется?

— Так точно, ваше-ство, — подтвердил ворон, — занимается возбуждением неосновательных надежд в сердцах молодых птенцов, ваше-ство.

— Предосудительно и... глупо.

— Совершенно справедливо, ваше-ство, — отозвался старый воробей, — глупо-с. Свобода, ваше-ство, суть нечто неопределенное и, так сказать, неуловимое...

— Однако, если не ошибаюсь, вы сами к ней... взывали?

— Фа-акт, — вдруг крикнула ворона.

Воробей смутился.

— Действительно, ваше-ство, однажды воззвал... но при смягчающих вину обстоятельствах...

— А... то-есть как?

— Тихо, сказал: да здравствует свобода, и тотчас же громко добавил: в пределах законности.

Снегирь посмотрел на ворона.

— Так точно, ваше-ство, — ответил ворон.

— Я, ваше-ство, будучи надворным воробьем, не могу себе позволить серьезного отношения к вопросу о свободе, ибо сей вопрос не значится в числе разрабатываемых ведомством, в котором я имею честь служить...

— Фа-акт, — снова каркнула ворона. Ей все равно, что подтверждать.

А по улице текли ручьи и пели тихую песню о реке, куда они вольются в конце пути, и о своем будущем:

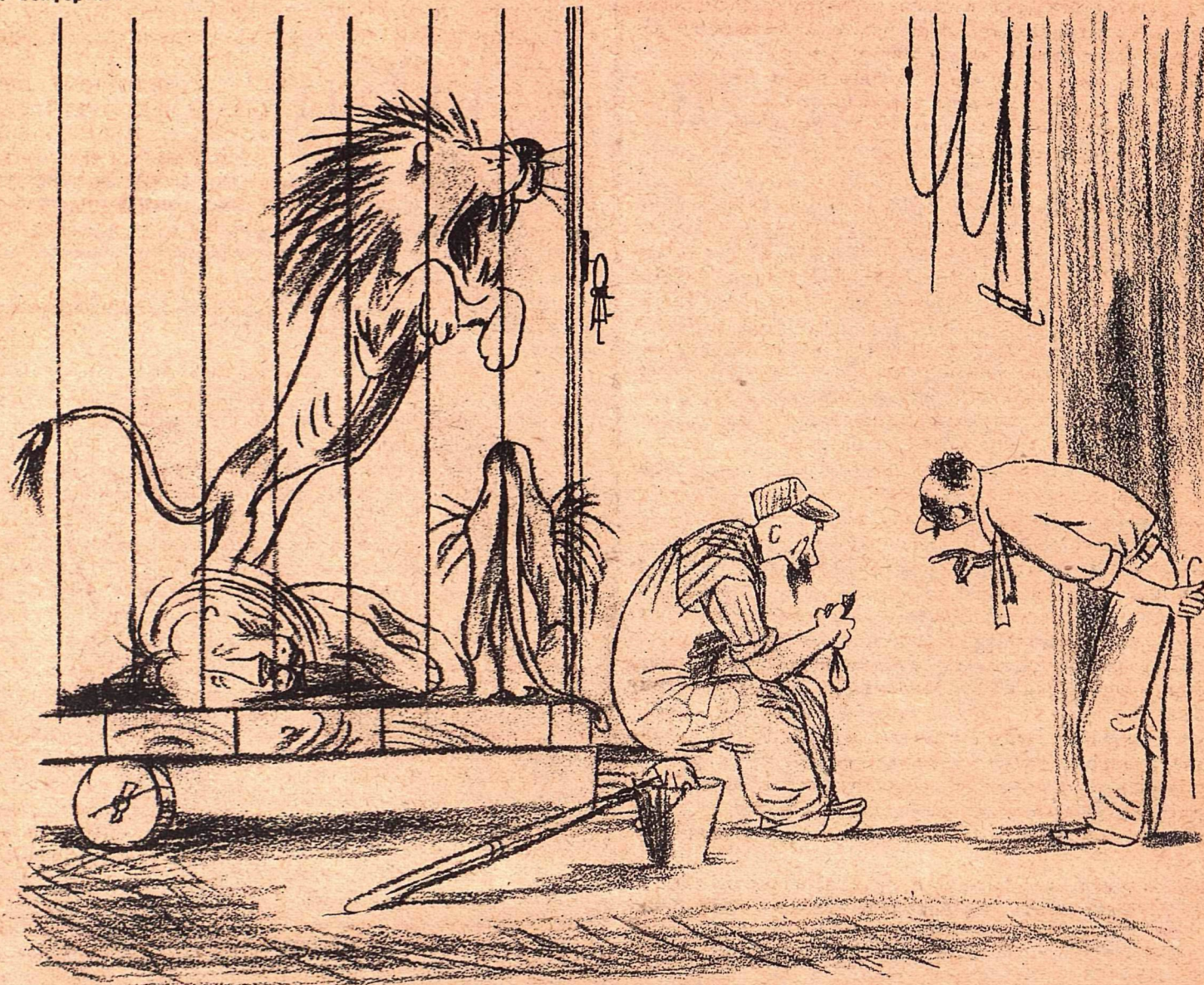
— Широкие, быстрые волны нас примут, обнимут, и в море с собой унесут, и снова, быть может, нас в небо поднимут горячего солнца лучи, а с неба мы снова на землю падем прохладной росой в ночи, снежинками или обильным дождем.

Солнце, великолепное, ласковое солнце весны, улыбается в ясном небе улыбкою бога, полного любви, пылающего страстью творчества.

В углу сада, на ветвях старой липы сидит стайка чижиков, и один из них вдохновенно поет товарищам где-то слышанную им песню о Буревестнике.

Здесь кончается текст, запрещенный царской цензурой, и начинается песня о буревестнике: «Над седой равниной моря» и т. д.

Рис. Л. Сойфертиса

— Виноват, это вы и есть тот самый знаменитый укротитель львов?
 — Нет. Я только мою их и чищу им зубы.

БАРАБАН

Для верности предупреждаю: Петр Сергеевич Карабанов — отнюдь не сантиментальный человек. Если хотите знать, он был даже в свое время неплохим членом Ревтрибунала, и кое-кто за границей по сей день не может вспомнить без зубного скрежета об этой его деятельности.

Просто, Петру Сергеевичу перевалило уже за сорок. Детей у него пока не было. Зарботки его как начальника цеха росли. И кроме того было чудесное июльское утро.

Карабанов шел по залитой солнцем нарядной улице и увидел у большой витрины игрушечного магазина мальчика лет десяти, которого мы условимся называть Вася. Вася смотрел на витрину, приплюснув свой веснушчатый нос к толстому прохладному стеклу. Это было совершенно бескорыстное восторженное созерцание прекрасных, но недосыгаемых вещей. Грузовики, пароходы, волейбольные мячи, скакалки, барабаны, комплекты мебели и масса других превосходных вещей светилась в витрине, как чудесное видение.

Решение пришло к Карабанову мгновенно.

— Пойдем, — сказал он мальчику и взял его за руку.

Петр Сергеевич ввел сопротивлявшегося мальчика в магазин. Вася был осторожен, недоверчив. Он пытался удрать, но Карабанов удерживал его за руку и, даже не узнав его имени, спросил:

— А ну, говори, герой, чего б тебе такого хотелось?

— Брось, дядя, — сказал искушенный в жизни Вася, — брось трепаться.

Но Карабанов не трепался. Крепко держа за руку своего юного незнакомца, он вместе с ним подошел к кассе, уплатил сколько полагается, и через минуту в руках ошалевшего от неожиданно привалившего счастья Васи был превосходный, расписанный самыми изысканными красками барабан с двумя чудными палочками.

По желанию Васи, барабан не запаковали, и он вышел на солнечную улицу пылающий от счастья, с барабаном, висющим на шее, согласно самым лучшим пионерским традициям, и с палочками в руке.

На улице Вася наспех поблагодарил загадочного дядю и бросился улепетывать во все лопатки: как бы дядя не передумал.

Скажем прямо, он прибежал не в школу, а домой и добрых четыре часа практиковался в высоком и трудном искусстве барабанного боя. Он достиг уже в нем немалых успехов, когда домой вернулся его отец и полюбоществовал, откуда у Васи барабан.

— Дядя подарил, — ответил Вася без отрыва от барабанного боя.

— Подарил? Какой дядя? Незнакомый дядя? Так просто

взял незнакомый дядя и подарил тебе за здорово живешь совершенно новый барабан? Фу ты, прости господи! Признавайся прямо: спер барабан? Сознаться, пока не поздно.

Вася не имел никаких оснований сознаваться, но он сам понимал шаткость своих показаний. Он сам сначала не понял, с чего это вдруг человек даже в самую лучшую погоду, даже в самом лучшем настроении будет незнакомому мальчишке дарить игрушки. Вася понял тщету своих усилий и горестно зарыдал, а отец его, не чуждый современным педагогическим веяниям, потащил мальчика в школу, чтобы там с помощью лучших квалифицированных педагогических сил узнать тайну барабана и вернуть Васю на стезю добра и справедливости.

Они шли оба по яркой солнечной улице: хороший, честный, работающий папа, который никак не мог понять того, что у нас обычные люди—немиллионеры—могут подарить незнакомому ребенку игрушку, и маленький сын Вася, который уже понимал это, но никак еще не мог объяснить, почему это у нас возможно. Они шли по улице оба—отец и сын,— каждый со своими невеселыми думами. По дороге они встретили пионервожатого васиною отряда, который со своей стороны также с прискорбием вынужден был констатировать, что всегда честный и порядочный Вася поддался нездоровому чувству алчности и украл в неизвестном месте и при неизвестных обстоятельствах чей-то барабан. Они уже собирались войти в просторные прохладные двери новой, недавно выстроенной школы, когда Васька, с опустошенной душой взвизывая на покоившийся подмышкой отца барабан, случайно заметил на другом тротуаре шедшего Петра Сергеевича Карабанова.

— Папка! — закричал он и потянул за собой отца. — Вот тот дядя. Это он подарил мне барабан.

Петр Сергеевич подтвердил недоверчиво слушавшему отцу законное происхождение барабана и полную васину беспорочность.

Они разошлись в разные стороны, и Карабанов твердо решил впредь дарить детям конфеты, мороженое и прочие вещи, употребляемые на месте и не оставляющие никаких поводов для подозрения в воровстве.

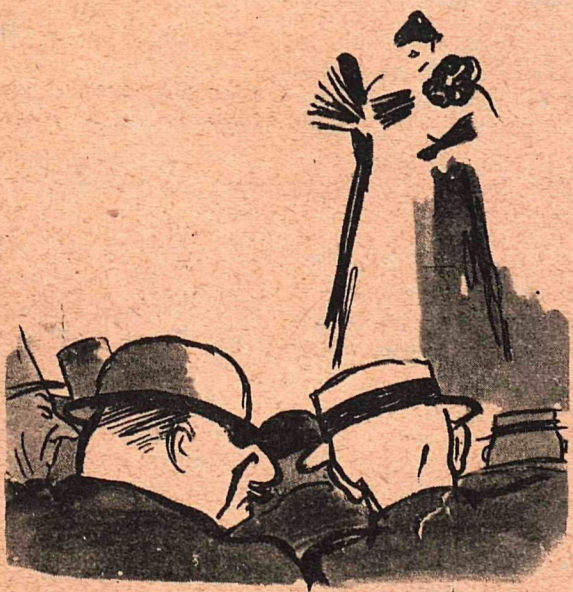
Уходя, он услышал, как взволнованный отец сказал пионервожатому:

— Иди подумай, что найдутся чудачки, которые так, за милую душу, будут дарить незнакомым детишкам барабаны.

Л. ЛАГИН

ЧИКАГСКИЕ МЕЛОМАНЫ

Рис. Л. Бродаты

СТАРШИЙ БАНДИТ:— Ну как, выслушаем еще одну песенку или сразу похитим певицу?

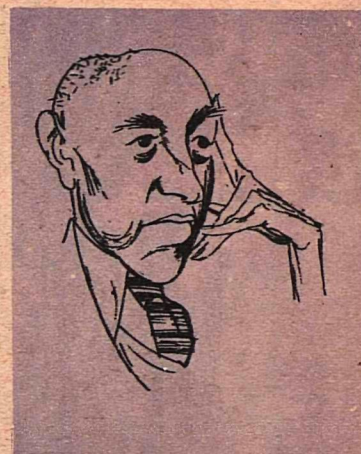
ЛИЧНЫЙ СТОЛ

ВСЕМЕРНО РАСПИРЯЯ КУЛЬТУРНОЕ ОБСЛУЖИВАНИЕ СВОИХ ЧИТАТЕЛЕЙ, КРОКОДИЛ ОРГАНИЗУЕТ НАСТОЯЩЕЕ НОВОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ДЛЯ ВЫДАЧИ ХАРАКТЕРИСТИК И СПРАВОК О РАЗЛИЧНЫХ ЛИЦАХ.

КАК И ПОЛАГАЕТСЯ ХОРОШО ПОСТАВЛЕННОМУ ЛИЧНОМУ СТОЛУ, ОН ДАЕТ СВЕДЕНИЯ И ДАННЫЕ КАК ОТРИЦАТЕЛЬНОГО, ТАК И ПОЛОЖИТЕЛЬНОГО ХАРАКТЕРА. РАВНО И ШАРЖИ, ПРИЛОЖЕННЫЕ К СПРАВКАМ, НОСЯТ ВЗИРАЯ НА ЛИЦА ЛИБО ДРУЖЕСКИЙ ЛИБО ВРАЖДЕБНЫЙ ХАРАКТЕР. КОРОЧЕ ГОВОРИТЬ, «ЛИЧНЫЙ СТОЛ» СЛУЖИТ ОДНОВРЕМЕННО И КРАСНОЙ И ЧЕРНОЙ ДОСКОЙ. НУ, А ЧИТАТЕЛЬ УЖЕ НЕ МАЛЕНЬКИЙ: ОН САМ РАЗБЕРЕТ, ЧТО К ЧЕМУ И ПОЧЕМУ.

Наталья Ильинична Сац. Занимаемая должность: тета Наташа. Общественная нагрузка: Центральный детский театр в Москве. Внеслужбное занятие: культурное оформление детского быта. Особые приметы: энергия и популярность.

Тов. Маргулис — начальник Главного управления коженно-обувной промышленности. Ему посвящен первый, зачеркнутый Пушкиным, вариант «Памятника»: «И долго будет тем любезен он народу, что разные фасоны презирал, что игнорировал и вкусы он и моду и всех в стандартные ботинки обувал».

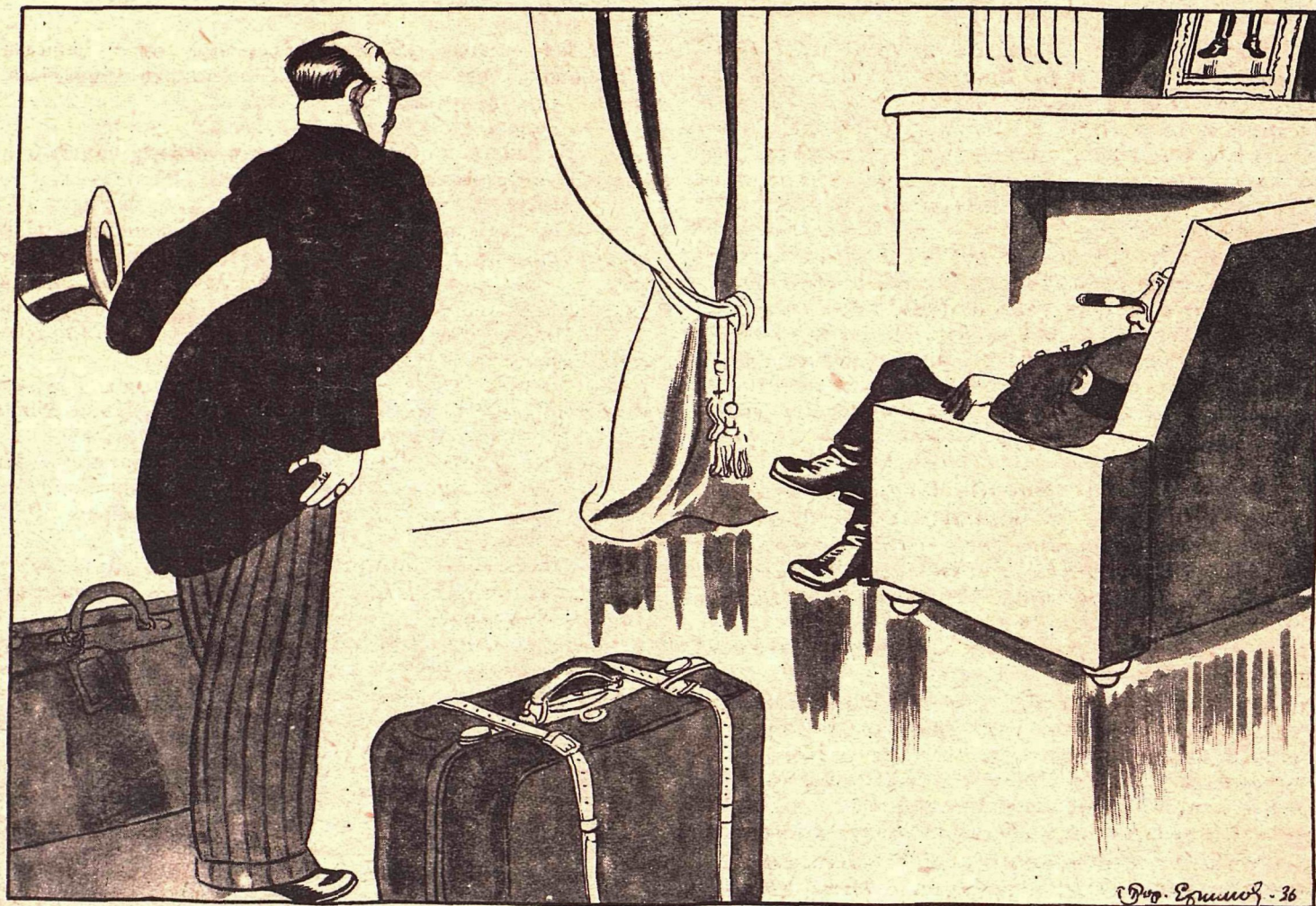

Народная артистка республики Пашенная — художественный руководитель бригады Малого театра, выезжающей в Арктику. Отмечаем этот факт как попытку горячей любовью к искусству растопить льды Заполярья. Шлем Вере Николаевне Пашенной наши лучшие пожелания и заранее завидуем успеху, обеспеченному наличием хороших зрителей и отсутствием во льдах плохих театральных критиков.

Тов. Насеконик — директор Московского телефонного узла. Очень любит старый чувствительный романс, в котором поется: «Узел, стянутый тобой». А на самом деле не только не стянул упомянутый узел покрепче, а распустил и довел до 686 000 жалоб со стороны абонентов за один год.

Рис. Бор. Ефимова

— Помните, голубчик, что вы едете по Европе по поручению солидной германской фирмы. Показывайте не только образцы вашего красноречия, но и образцы наших снарядов.

КАК В АПТЕКЕ...

Как известно, находчивость и полемические таланты обнаруживаются главным образом в местах скопления публики.

Не так давно в дачном поезде в горячей дискуссии на тему о допустимости ронять на голову посторонним пассажирам баулы до 10 кило весом услышал я человека, чей полемический гений превосходил все ранее виденное мною в этом направлении. Скромный человек этот, в лоснящемся сером пиджачке, показывал буквально чудеса находчивости и отвечал сразу десяти оппонентам. Когда спорщики сомлели от криков, тряски и духоты, я осторожно тронул за рукав гения в пиджачке.

— Ловко вы их всех отделали, — сказал я. — И как это вы умеее?

Гений тяжело вздохнул и ответил:

— Очень просто. Научился у нас на работе. Там без этого нельзя. Я служу в аптеке... На ручной продаже... У нас так снабжают, что только находчивостью и горгуешь... Да вы бы зашли, поглядели.

Я зашел, поглядел.

За горизонтальными стеклами витрин с товаром стоял мой знакомый гений, облаченный в белый халат. На него нападали и вскоре отступали покупатели. Покупатели говорили все разом, и он отвечал им всем разом.

В сокращенной стенограмме беседа эта звучала так:

— Сода есть?

— Сода — вся. Будет на днях.

— Хорошее дело! У меня изжога-то сейчас!

— Могу что-нибудь дать, чтобы изжога продержалась, пока не привезут соду. Вам что?

— Соску. Детскую.

— Соски — все.

— Господи, что же мне дать ребенку?!

— А у вас взрослый ребенок? Маленький? Дайте ему что-нибудь другое.

— Мочалку надо.

— Нету.

— Где ж мне теперь найти мочалку-то?

— Посмотрите в центральных банях. Следующий!

— Аспирину дайте.

— Весь аспирин.

— Неужели и мне в баню идти?

— А что ж? Очень пра-

вильно. Пропотейте в горячей, вот вам и аспирин. Вам?

— Я у вас купил пузырек для компрессов, а он дырявый — капает...

— Я взял у вас пипетку, она не капает ничего! Как быть?

— Советую вам поменяться с этим гражданином: он вам — свой пузырек, вы ему — пипетку. Отойдите в тот угол и меняйтесь. Вам что?

— Присыпка есть детская?

— Временно — вся. Могу заменить пудрой. У вас ребенок смуглый? Я даю вам рашель. Три двадцать в каску. Хинное мыло — все. Зубочистки — все...

Тихо кивнув моему находчивому знакомому, я вышел из аптеки.

ИВАН ДИТЯ

ЛИЗА СКВОРЦОВА

Лиза Скворцова была такая же пухлая, синеглазая и веснушчатая, как и его дочь. Виталий Петрович не раз конфузливо ловил себя на том, что из всего класса, так приветливо встречавшего каждый его приход, он нежнее всего относится к этой ленивой шумной девчурке, ухитрявшейся настолько ничего не знать, что даже лучшие, заматерелые подсказчики разводили руками. Несколько раз он давал себе слово быть с Лизой построже, но стоило ему случайно взглянуть на ее недомытые пальцы со следами лиловых чернил, на веснушчатый вздернутый нос, на веселый пробор между косами, — как у него падало сердце. Ведь только час или два назад, перед своим уходом в школу, он будил такое же синеглазое пухлое существо, поил его чаем с молоком и деловал в пушистые волосы, пахнувшие сном и фиалками.

Перед самыми экзаменами Виталий Петрович вызвал Лизу в учительскую, когда там никого не было, и сказал ей, пощипывая бородку:

— Ты вот что, Лиза Скворцова... Ты к экзаменам подготавливайся. А то все сдадут, а ты провалишься. Нехорошо это.

— Я буду, — бойко ответила она, — чес-слово буду! — и, посмотрев на него тем ободряющим взглядом, каким взрослые смотрят на ребят, добавила: — Вы уж не беспокойтесь, Виталий Петрович: я не засыплюсь!

— Ну, то-то. А то все на дачи поедут, кто — куда, а тебе заниматься летом... Ну, иди...

Лиза юркнула из учительской, и сквозь открытую дверь Виталий Петрович увидел, как она, пробегая, успела схватить за рыжий вихор дозубривавшего урок рослого мальчишку и исчезла за углом. И шаги у нее были такие же большие, смешные и неуклюжие, как у его Клавы.

«Провалится девка, — подумал он. — Жалко девку».

В день экзамена все пришли чистые, вымытые и серьезные. Сидели молча и быстро срывались с места, услышав свою фамилию. И от того ли, что солнце вошло в класс через все три окна, от того ли, что Виталий Петрович ласково поглядывал на ребят из-под пенсне и ободряюще посмеивался, когда кто-нибудь ошибался, все отвечали бойко и весело.

— Ну как? — тихо спросил он у директора, сидевшего за столом.

Тот довольно кивнул головой.

Виталий Петрович вспомнил, что сейчас в другой школе вот так, как и эти ребята, сдает экзамен и его Клава. У нее так же, наверное, вспыхивает в глазах испуг при каждом новом вопросе и сменяется радостным победным блеском, когда, не веря своим ушам, она отвечает правильно и хорошо. И ему стало как-то вдвойне приятно провожать ребят на место короткими веселыми фразами.

— Молодец, Сапегин... Все помнит... Иди, Бумзе, довольно. И в году хорошо занималась и сдала отлично... Куда летом поедешь? На дачу? Ну, отдыхай, отдыхай...

И когда в классе оставалось уже немного учеников, а из коридора неслись буйные и восторженные крики сдавших экзамен, Виталий Петрович посмотрел в журнал и с некоторой тревогой вызвал:

— Скворцова Лиза... Ну-ка, иди сюда...

Лиза тяжело поднялась с места, вздохнула, обвела класс беспомощным взглядом и подошла к Виталию Петровичу.

— Характеристику Татьяны? — мрачно спросила она, опустив глаза.

— Ну, ладно, — улыбнулся Виталий Петрович, — говори характеристику Татьяны.

— У Татьяны была характеристика, — вздохнула Лиза. — Лучше я насчет Грибоедова расскажу. И, не дожидаясь, медленно и с запинками начала:

— Грибоедов был сын мелкопоместного дворянина. Как Державин. Потом его убили персы в городе Тегеране, после чего он написал комедию из жизни духовенства и других крупных чинов того времени. Как Фонвизин.

— Лиза! — вздохнул Виталий Петрович. — Тише, ребята, не смейтесь, не сбивайте товарища. «Капитанскую дочку» помнишь?

— Не помню... Помню... Однажды одна капитанская дочка любила одного сына мелкопоместного дворянина. Говорить характеристику?

— Говори.

— Забыла. Ах, да, Ольга. Ольга любила сидеть на балконе и предупреждать зарю.

— Какая Ольга?

— Из Татьяны. Я вспомнила характеристику. Ольга и Татьяна были дочерьми мелкопоместного бригадира Ларина. Татьяна была русская душой и писала письма. Онегин получал записки на балы и был отрицательной личностью.

— Очень плохо, Лиза, — нервно зашипел бородку Виталий Петрович. — Что еще помнишь?

— Софью. Из «Горе от ума». Софья жила в деревне, и ее хотели выдать за мелкопоместного помещика Митрофанушку. И он очень этого хотел, но она не хотела.

— Это другая Софья, — сухо вставил директор. — Плохо.

— Две Софьи, — уныло согласилась Лиза. — Одна — такая, другая — другая. Я ошиблась. Я биографию Державина знаю. Говорить?

— Не надо, — махнул рукой Виталий Петрович, обиженно переглянувшись с директором и вызвав следующего ученика: — Петрухин!

Лиза тихонько выходила из класса. Виталий Петрович посмотрел на ее узенькие плечи, на печально висящие мохлястые косицы, и вместе с досадой в нем вспыхнула какая-то теплая болезненная жалость к этой девчурке, ленивой и легкомысленной, которой, быть может, он сам не сумел внушить любви к книге несмотря на свою нежность к ней.

Бойкого худенького Петрухина, рассказывавшего без запинки биографию Пушкина, Виталий Петрович слушал уже устало и невнимательно. Он механически кивал головой, чтобы не сбить мальчика, и думал о том, какое будет печальное личико у Клавы, если она сегодня провалится на экзамене, и как ему придется утешать ее, стараясь не задеть самолюбия. А перед глазами у него стояла согнутая спина Лизы Скворцовой, когда та выходила из класса.

Экзамен кончился. Виталий Петрович вышел в коридор, спугнув группу ребят, вертевшихся около двери.

Около окна, у двери учительской, спиной к коридору стояла Лиза Скворцова. Плечи у нее мелко вздрагивали и подергивались косицы.

— Не плачь, Лиза, — тихо сказал Виталий Петрович, тронув ее за плечо. — Ну, поработаешь летом... Я тебе дам список книг...

Лиза плакала.

— Ты о чем плачешь-то?.. Ну не читала, ленилась... Летом прочтешь... Ты о чем?

Лиза повернула к Виталию Петровичу заплаканное лицо, сверкнула синими, ставшими светлее от слез глазами и дрогнувшим голосом сказала:

— Не сердитесь, Виталий Петрович...

— На кого, Лиза?

— На меня, — всхлипнула девочка. — Все хорошо сдавали, одна я подвела вас... Я больше не буду... Выгоните меня из школы...

Виталий Петрович почувствовал, что стекла пенсне у него становятся немного туманными.

— Так ты из-за этого плачешь?

— Из-за этого.

— Хорошо, девочка. Завтра зайди ко мне в учительскую часам к десяти. Зайдешь? Ну, ладно.

Через несколько минут Виталий Петрович говорил с директором.

— Так, значит, Николай Егорович, перерекламеновку мы ей дадим, а заниматься я с ней буду сам... Все равно мне летом надо бывать в городе... Девчонка она хорошая... А если ленится, так что же делать: разве за всеми усмотришь?.. А девчонка она, уверяю вас, прямо замечательная...

И, уже улыбаясь, Виталий Петрович весело пошел домой к Клаве.

Арк. БУХОВ

РОМАН КАТИ ЕРЕМИНОЙ

Чертежница Катя Еремина зарабатывала в месяц 620 рублей. Зарплата хватало и на то, чтоб хорошо питаться, и на то, чтоб хорошо одеться. Но из учреждения Катя уходила невеселая. Что делать вечером? Как провести его? Другие находят себе знакомых приятелей, даже женихов — в жакте, в трамвае, на службе. Но дома соседками Кати были одни старухи; на службе, кроме швейцара, не было мужчин, и даже трамваем не приходилось пользоваться; служба была подбоком. Идя домой, Катя смотрела на витрины кино, а потом брела спать, подчитывая в уме, что она купит себе на очередную получку.

«На пальто уже скопила почти тысячу. Можно отличное пальто справить. Куплю еще блузку... Все счастливые идут... под ручку... А я... В театр разве взять билет? Именно билет. Что я одна пойду? Монахиня?...» — думала Катя.

Вскоре она купила себе прекрасное пальто вишневого цвета. Но и пальто сперва радовало мало. На службе восхищались ее пальто:

— Да как это ты скопила, Катя? Твердая ты...

— Я?.. Я своих денег ни копейки не истратила.

— А кто же?

— Он... Стану я сама...

Через месяц она купила на свою получку черное шелковое платье и красные туфли.

— Неужели он?.. — шопотом говорили на службе.

— Он!.. Только пуговицы к туфлям мои...

И, делая круглые глаза, говорила:

— У-у, я, знаешь, такая!.. Я его как липку обдеру!..

НЕ ГОГОЛЬ

Перед сдачей в редакцию своего нового романа «Живые уши» писатель еще раз перечитал его. И вдруг его заела совесть:

— Плохо! Никуда!.. Но что делать?.. Как что делать? А что Гоголь делал? В печку, в печку, в печку!..

Писатель схватил рукопись и, боясь, чтоб совесть не замолчала, побежал к печке. И не нашел ее: во всей квартире было паровое отопление.

— Ну куда ж ее сунешь? В калорифер—что ли?.. Не судьба...

Надел шубу и крикнул с порога жене:

— Манечка! Я в редакцию!

ОКОШЕЧКИ

Я пошел на почту отправить заказное письмо. За стеклянной стенкой сидела приемщица лет девятнадцати, в мужском темносинем кителе. В стенке было прорезано маленькое лунообразное отверстие.

— Что у вас? — посмотрела одним глазом в луну приемщица.

— Письмо. Но оно не пролезает в эту копилочную дырочку.

— Ясно. Давайте поверх стены.

И протянула руку.

— Это еще что! — крикнула в серп луны приемщица. — У других еще хуже.

— А? — переспросил я не дослышав. — Бывает хуже?

И действительно: когда я перешел улицу и завернул под зеленую вывеску сберкассы, я увидел, что луна стала еще меньше.

— Как же деньги вам передать? — наклонил я голову, как пристяжная.

— А вы сверните их как рольмопс! — крикнула в щелочку кассирша.

— Какой мопс?

— Рольмопс! Селедочки бывают такие закругленные...

И показала, как глухонемая, за стеклом пальцами.

Возмущившись, я направился к жалобному окошечку. Но здесь луна была вырезана еще эконочнее, всего только тонкий, как ноготь, серп.

— Какой дурак делал эти?.. — и показал пальцами половину буквы «о».

— Напишите жалобу на тоненькой бумажке, — пропищал за стеклянной стенкой разбиратель жалоб.

Из жалобы ничего не вышло. Меня послали в Управление сберкассы, но я не пошел. Там, наверное, и совсем луны уже нет. Одна стена. Хотя и стеклянная.

В. ТОБОЛЯКОВ

— ...Пузырева, Сергея Петровича, техника-конструктора заводоуправления, — продолжал предзавкома, — за качественную работу, за активное участие в заводской общественной премировать патефоном с пластинками.

Тут председатель завкома остановился, чтобы собрание смогло оплодотворить.

И действительно: раздались дружные хлопки. Аплодируя, все обернулись к тринадцатому ряду, направо, где сидел Пузырев.

Смущенный и красный Пузырев хотел было притвориться, что ему необходимо сообщить нечто важное соседу своему Сосюину, и пролепетал:

— Домой пойдем вместе?..

— Как? — переспросил Сосюин.

— Я говорю: «Домой пойдем вместе?»

— Конечно, — пожал плечами Сосюин и неожиданно с явной завистью добавил: — Если ты теперь не устроишь вечеринку: попробовать патефон, — то будешь последняя свинья!

Через два дня после собрания Пузырев решил «наведаться в завком», за премией. Все было рассчитано: и срок посещения, и внешняя скромность, и даже отсутствие портфеля в руках Пузырева было не случайно: портфель был заперт в служебном столе, чтобы освободить руки для премиального патефона.

Председатель завкома держал у уха телефонную трубку и, вяло ответив на рукопожатие Пузырева, снова закрычал в трубку:

— Аллэ!.. Аллэ!.. Слышите?! Аллэ!.. Аллэ!.. Долго я еще на вас буду аллэкать?!

Пузырев подождал, пока содержательный разговор окончился, и будто бы равнодушно спросил:

— Чего слышно, Суслыч? (Председателю завкома фамилия была Суслов).

Суслыч помахал в воздухе обеими руками в знак неслышанной своей занятости и опять взялся за телефон.

Пузырев ушел ни с чем. Затем, на протяжении четырех месяцев, он заходил в завком еще три раза (уже не оставляя портфеля в столе), но премии не получил, и вообще о премии никто ничего ему не говорил. В третий раз Пузырев решился сам заговорить об этом:

— А что, брат Суслыч, слышно насчет наших премий? — мягко и неуверенно начал он.

Предзавкома сделал сухое и официальное лицо сановника, который пропускает мимо ушей бестактную реплику маленького человечка, по глупости и безграмотности не понимающего свой промах.

— Своевременно узнаешь, — сказал предзавкома и отнял из рук Пузырева пресспапье, которым тот машинально играл.

Пузырев покраснел и удалился.

А на другой день Сосюин, ехидно улыбаясь, заметил:

— Заматываешь вечеринку, Пузырев, с премиальным-то патефоном?

— Сперва надо его получить — патефон! — сердито отозвался Пузырев.

— Ну да?! Как говорится, «торговали кирпичом и остались не при чем»!

И Сосюин засмеялся раскатисто и долго.

Ночью у Пузырева созрел план.

Около четырех часов дня Пузырев подошел к вешалке для верхнего платья в главном под'езде заводоуправления. Гардеробщица Дуся, взяв номерок, положила на барьер синий плащ и шершавую серую кепку.

Нахлобучив кепку и перекинув через руку плащ, Пузырев строго сказал Дусе:

— А патефон мой?

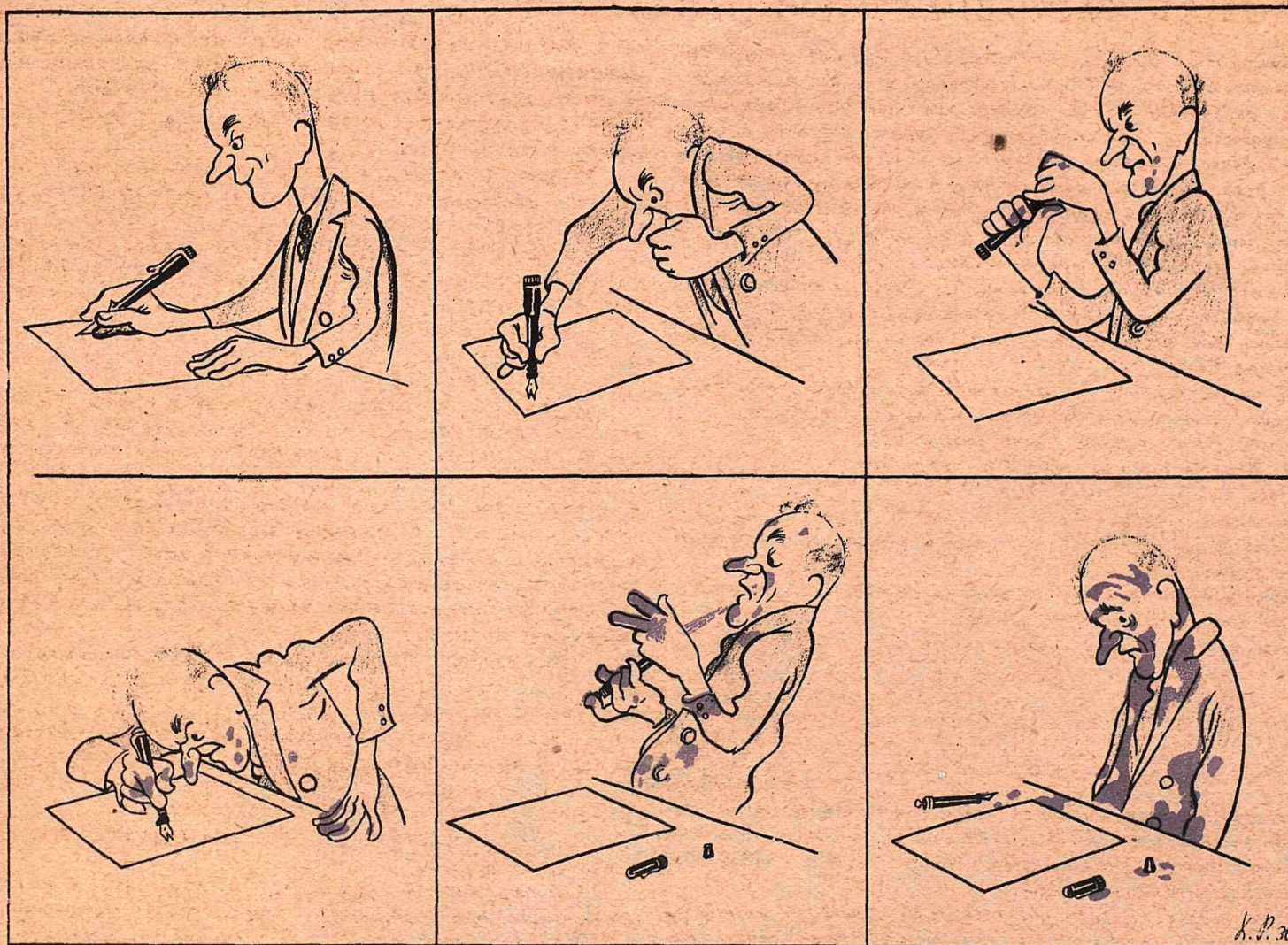
— Чего? — переспросила гардеробщица.

— Я говорю: «Патефон я у вас оставил».

Дуся недоверчиво вымолвила «рази?» и прошлепала на резиновых тапочках куда-то, в глубь вешалочного лабиринта.

— Нету тут никакого патефона! — оттуда, из лабиринта, крикнула она.

Рис. К. Ротова

Песня без слов

Пузырев возвысил голос:

— Как то есть нету? Патефон, в виде чемоданчика такого, с ручкой. И при нем — альбом с десятью пластинками. Все это я сдал вам, вы еще сказали, что отдельного номера не нужно.

Громкий голос и намечающееся недоразумение привлекли внимание всех, кто был у вешалки.

А вынырнувшая из-под чьих-то пальто Дуся обиженно заговорила:

— Ничего этого я вам не говорила. И патефона никакого я от вас не брала. Довольно даже стыдно так поступать, гражданин!

— Что же, я вру? — грозно спросил Пузырев, и к вешалке стали сбегаться все проходившие по вестибюлю люди.

— Ну, где он, где, ваш патефон, — плача, визжала Дуся, — нате, всю вешалку обыщите, где он?!

— Ничего я обыскивать не желаю. Я желаю получить мой патефон!

— А какой он из себя, ваш патефончик? — спросил кто-то из собравшихся.

— Обыкновенный ленинградский патефон. Обит серым, таким дермантином — под кожу, — четко ответил Пузырев, — на доньшке — три царапины. Сейчас составим акт!

Хлопали двери со всех трех этажей заводоуправления: все бежали на скандал у вешалки.

Дуся охрипла от плача и криков:

— Ды чтоб он подавился своим патефоном, чорт проклятый! — выла она басом. — Ды у меня сроду ничего не пропадало! Ды мне кассир Семен Николаевич, если хотите знать, свой портфель с деньгами оставляет. Как придет из банка, так портфель ко мне, а сам — в столовую поест перед раздачей... Только скажет: «Дуся, сегодня сто пятьдесят тысяч...» или: «Сегодня сто двадцать тысяч...» И сроду

ни одной копейки не пропадало, а тут вдруг — патефон какой-то паршивы-ы-ы...

Проталкиваясь через толпу, к Пузыреву подошел предзавкома Суслов.

— Ды где у тебя этот патефон-то? Кто его видел? Кто? Кто? — надрывалась Дуся.

— Как это «кто видел?!» — тоном оскорбленной честности заорал Пузырев. — Премияльный патефон за ударную работу и — «кто видел»? Да вот предзавкома товарищ Суслов стоит, он же сам читал на собрании, что я премируюсь, и вдруг — «кто видел»?!!

Тут Пузырев искусно разыграл внезапное появление в памяти чего-то, что было им позабыто, раскрыл рот, ахнул и потом на выдохе начал:

— Ах... простите!.. Совсем у меня из головы вон, что до сих пор премии у нас не выдавались... Четыре месяца прошло, и никому ничего... Забыл! Совсем забыл, что нет у меня никакого патефона и никаких пластинок... Простите великодушно, товарищ Дуся...

Толпа на секунду замерла, а потом раздался смех.

Не смеялся один предзавкома Суслов. Согнувшись в три погибели, как уличенный злодей в мелодраме, он пробирался сквозь хохочущую толпу к себе в завком.

Премии были выданы на другой же день. Соскотин вновь ощутил припадок зависти, глядя, как Пузырев раскрывает блестящую никелевыми рычажками, темнеющую байковым диском внутренность патефона. Гардеробщице Дусе Пузырев подарил коробку конфет «Алло».

В. АРДОВ

Автор просит работников тех учреждений и предприятий, где задерживают премии, вырезать этот фельетон и поместить его в местных стенгазетах.

В. А.

ОСОБЫЙ ОТДЕЛ

ЧУДО-РЕБЕНОК

Вопрос о детском аппетите интересует обычно или врачей или чадолюбивых родителей. Мы имеем возможность по этому вопросу сообщить любопытные факты из жизни Городницкой больницы (Киевской обл.), которые интересуют не только родителей, врачей но и всю широкую советскую общественность. Так, ревизией обнаружено, что

«главный врач Городницкой больницы Резник выписывал продукты якобы на больного ребенка и за 1½ месяца получил на этого больного ребенка: 6 кг круп, 3 кг манной крупы, 3 кг меда, 4 кг масла, 4 кг мяса, 2 кг сала, 25 кг сахару, 2 кг рыбы, 8 кг белой муки, 2 кг рису и 450 кг картофеля».

Трудно не позавидовать аппетиту такого ребенка, но папаше его после этой ревизии мы не завидуем. Тем более, что сложный вопрос о детском питании будет на этот раз разбираться не в медицинской, а в судебной инстанции.

ИГРА РЕДАКЦИИ С ПРИРОДОЙ

Газета «Харьковский рабочий» решила сказать свое веское слово по поводу человеческого долголетия и поместила в № 91 следующую заметку:

«В селе Пороги, Ямпольского района, живет 150-летняя Акилина Василевская. У ней осталось 4 сына, из которых старшему 70 лет...»

Спрашивается: сколько желет было Акилине Василевской, когда у нее родился ее старший сын? Или у редакции «Харьковского рабочего» нет времени на этот простой арифметический подсчет, так же, как и на просмотр помещаемых в газете заметок?

ДЕКАБРИСТЫ ЗДЕСЬ НЕ ПРИ ЧЕМ

5 мая «Комсомольская правда» чрезвычайно скромно — на четвертой полосе — сообщила о факте, имеющем немалое историко-революционное значение:

«НАЙДЕН ЗНАЧОК ДЕКАБРИСТОВ

Участник юношеского краеведческого кружка Орджоникидзеграда М. Алексеев нашел недавно в селе Бежичи медный значок величиной в 2-копеечную монету старой чеканки. Монета оказалась значком декабристов. На одной стороне — отрывок из пушкинского «Чаадаеву»:

«Товарищ, верь, взойдет она,
Заря пленительного счастья,
Россия вспрянет ото сна
И на обломках самовластья
Напишет наши имена».

На обратной стороне — эмблема свободы — образ женщины в фригийском колпаке. В правой ее руке — знамя с надписью «Свободная Россия».

У любого пытливого читателя в связи с этим сообщением немедленно должен был возникнуть вопрос о том, где, когда и при каких условиях мог возникнуть этот интересный значок.

С удовольствием сообщаем.

Штамповался этот значок в марте 1917 года в России, совершенно легально. Продавался во многих магазинах и стоил ровно 50 копеек старой чеканки. Оптовым организациям была скидка.

Надеемся, что это наше разъяснение освободит заинтересованных заметкой в «Комсомольской правде» читателей от бесплодных размышлений о том, где могли разрозненные, рассеянные по сибирской тайге декабристы оборудовать подпольный монетный двор для печатания бесполезных в ту пору нагрудных революционных значков.

УНИКУМЫ ДЛЯ ВСЕХ

«Советская торговля» рассказывает об одном из экспонатов выставки Союзмебели, организованной для предварительных заказов. Вот, например, какой продукцией обольщали будущих заказчиков Союзмебель:

«Мебельная фабрика № 6 представила на выставку два книжных шкафа. Один из них так называемый универсальный. Накладки, замки, ключи и петли безобразного качества. Правая дверь шкафа перекошена. А ведь этот «шкаф» прислан на выставку в виде образца! И стоит этот «шкаф» 731 рубль!»

Союзмебель предполагал, наверное, что при виде такого шкафа заказчик разрыдается от восторга, выложит 731 рубль и будет долго и громко умиляться: почему это так прекрасно и дешево! Может быть, это так и было: удивление и плач, как это говорится, сопутствовали успеху выставки. Но чему удивлялись, по поводу чего плакали, — об этом судить не беремся. Думаем, что Союзмебель сам догадается об этом.

СЛОН И ЖУЛИКИ

Каждая категория людей по-разному расценивает детскую наивность: если для одних она предмет умиления и нежности, то для других она средство для легкой наживы. Такую разность взглядов очень легко подтвердить фактом, происшедшим на днях в городе Феодосии.

«В феодосийской школе № 5 появилась афишка приезжего цирка, в которой ребятам было обещано показать живого слона.

Когда ребята пришли в цирк, честно залпав за билеты и волнуясь в ожидании интересного зрелища, им показали ученых собачек и маленький макет слона».

Крыловский Любопытный не увидел слона по невнимательности. На этот раз он тоже его бы не заметил, но что он увидел бы сразу здесь, даже при самом поверхностном отношении к делу, — это жуликов, показывающих макет вместо слона.

ПУШКИН ВИНОВАТ

Мы всячески приветствуем популяризацию произведений Пушкина, но все же с некоторой опаской относимся к излишнему упоминанию имени великого поэта. А такое иногда замечается совсем не в подходящих для него случаях. Вот, например, читинская газета «Забайкальский рабочий» помещает такое объявление:

«Сегодня звуковой художественный фильм «ПОСЛЕДНИЙ ТАБОР» по ПУШКИНУ».

Мы очень рады, когда видим под плохим фильмом подпись отвечающего за него лица. И в данном случае вряд ли авторы и постановщики «Последнего табора» отказались бы от того, чтобы за них отвечал Пушкин, и очень жаль, что «Забайкальский рабочий» помогает им в этом сомнительном предприятии.

ЛАСКОВЫЕ СЛОВА

Молодой иностранный специалист Джон Смит в течение полутора тщательно и упорно изучал русский язык. Он уже начал с легкостью виртуоза безошибочно выговаривать такие неудобнопроизносимые слова, как «щи» («stchi») или «сыроварение», с этим, исходящим откуда-то из глубины желудка звуком «ы-ы», когда он понял, что не знает самого простого: нескольких десятков слов, ставших ему внезапно совершенно необходимыми.

Почувствовал он это не в цеху: рабочие понимали его отлично. И не в магазине: опытным продавцам достаточно было поясняющего жеста.

Чувство огорчения и беспомощности, от которого не смог бы спасти ни один переводчик, охватило его у бассейна для плавания в один из выходных дней, когда он впервые увидел Надю Малинину в ее голубом купальном халатике.

Что он мог ей сказать, иностранный специалист по изготовлению сыров, знавший по-русски около трехсот произ-

водственных терминов и с десятков бытовых выражений (в которые входили и знаменитые «stchi»), предусмотрительно подобранных для него преподавательницей русского языка, толстой старушкой Марией Ивановой!

Но несмотря на вынужденную бессловесность, они все же познакомились — Джон Смит и Надя Малинина.

Несколько выходных дней подряд они встречались в бассейне. Как-то Джон пригласил ее в цирк. После этого они почти ежедневно стали ходить в кино и в кафе на танцы.

Уроки русского языка шли своим чередом, и Джон Смит был прилежнее прежнего. Однажды он сказал старушке-преподавательнице:

— Миссис Мери, мне бы хотелось расширить круг своих познаний.

— Пожалуйста, — обрадовалась старушка любознательности ученика, — я как раз принесла вам новый производственный словарь.

Джон поморщился:

— Ах, это не совсем то! Мне бы хотелось изучить... ласковые слова.

Старушка изумленно подняла брови.

— Миссис Мери, я люблю одну девушку, — решительно сказал Джон, — и вы должны мне помочь.

Старая учительница сурово сдвинула брови.

Тогда Джон объяснил. Дело в том, что он не знает по-русски ни одного ласкового слова. Не может же он назвать любимую девушку сыроварней или еще каким-нибудь техническим выражением по своей специальности! Пусть миссис Мери вспомнит свою молодость. Ведь язык любви неизменен.

— Скажите ей, что вы думаете о ней день и ночь, — скромно посоветовала старушка.

«Dien i notch», — записал Джон.

— А что она мне на это ответит?

Старушка задумалась в нерешительности.

— Я, право, давно уже не в курсе дела. В наше время при подобных раз-

говорах девушки обычно краснели и становились молчаливыми.

— Я хочу сказать ей, что я ее люблю, что она дорога мне,—продолжал Джон.

Старушка перевела.

— И наконец...—Джон замялся.—Я хочу сделать ей предложение.

— О!—умилилась старушка.—Тогда вы скажите ей: «Будьте моей женой».

— А она?

— Она ответит вам одним коротеньким словом: «Да». Так поступают всегда все девушки в мире. Если же она скажет что-нибудь другое, значит, вас постигла неудача, дорогой мистер Смит.

На следующий день Джон в лучшем своем костюме встретился на площади, у памятника, с Надей Малининой. Он купил ей букет незабудок, и они медленно пошли по бульвару.

— Иа думать о вас днен и нотш,— произнес запинаясь Джон. Объясняясь в любви непонятными, чужими словами, он чувствовал себя так же неуверенно, как если бы он бросился с десятиметровой вышки в пруд с незнакомым дном.

Надя слегка покраснела, радостно опустила ресницы и задорно сказала:

— Буза!

Это был первый подводный камень. Джон не знал звенящего слова «буза», но в запасе у него оставалось еще две фразы, и он сказал прерывающимся голосом:

— Я люблю вас, дорогая.

У Нади сильно забилося сердце, но она вздернула плечиком и сделала независимое лицо:

— Подумаешь!

Все шло не так, как говорила старушка-преподавательница. У Джона от волнения пересохло в горле. Может быть, он что-нибудь напутал? Оставалось последнее. Он произнес чуть слышно, не глядя на Надю:

— Будьте моей женой,—и стал ждать коротенького решающего «да».

Надя посмотрела на него изумленными счастливыми глазами и всплеснула руками.

— Чего же ты волюнку-то тянул? Чудак этакий! Сама ведь люблю...

Это не было коротеньким тихим «да», которого Джон ждал, зажмурив глаза. В его ушах прошумел поток незнакомых слов и среди них одно, такое гордое и звучное, со скрытым для него смыслом «tshudak».

«Если не «да»,— вас постигла неудача,—вспомнил он слова старушки-преподавательницы.

Выдернув руку из-под надиного локтя и не глядя на растеряющуюся девушку, Джон Смит повернулся и крупными шагами пошел прочь, нервно теребя пальцы замшевой перчатки. Прохожие оглядывались на расстроенного молодого человека.

Дойдя до площади, он остановился и приложил руку к разгоряченному лбу.

— Как я был глуп,—горестно прошептал он,—советоваться со старухой-учительницей о ласковых словах! Ну, конечно же, она давно не в курсе дела!

В. КАРБОВСКАЯ

ИНОГДА И СТИХИЯ НЕСТРАШНА

Рис. М. Храпковского

ПОЛЬСКИЙ КРЕСТЬЯНИН:— Что ты плачешь, Ядвига?! Ведь все имущество наше спасено: оно с нами...

Д О В О Д И М Д О С В Е Д Е Н И Я

Телеграмма в мусорной яме

Наш читатель из Термеза тов. Евстигнеев случайно обнаружил в мусорной яме кипу недоставленных телеграмм. Они были адресованы частным лицам и учреждениям.

Автором такого способа передачи телеграмм оказался работник термезского телеграфа Семочкин.

После расследования письма тов. Евстигнеева Семочкин был привлечен к ответственности и приговорен к трем годам лишения свободы.

За развал совхоза

Директор Поторского совхоза (Якутская область) Родионов особым рвением в работе не отличался. Питание рабочих было поставлено безобразно. Текучесть, естественно, была огромная. Сов-

хоз разваливался. Обо всем этом в Крокодил поступила корреспонденция. Якутский обком партии исключил Родионова из рядов ВКП(б), снял его с работы и привлек к уголовной ответственности.

Подарок детям

23-я типография треста «Мосполиграф» выпустила тетрадь с оригинальной обложкой: на обложке была напечатана этикетка для вина. Крокодил не замедлил в № 7 оповестить об этом подарке для детей своих читателей. Наркомат местной промышленности РСФСР произвел расследование заметки. Приказом по Наркомместпрому директору 23-й типографии тов. Лазаренко указано на небрежное изготовление тетрадей и отсутствие контроля за качеством.

„Письмо из Ирбита“

В течение нескольких лет среди руководящих работников г. Ирбита (Свердловская обл.) царил бесшабашное пьянство. Средства на пьянку собирали с ирбитских предприятий.

Обо всем этом писал Крокодил в № 9 в фельетоне «Письмо из Ирбита». Бюро Свердловского обкома партии сообщает нам, что по решению бюро обкома секретарь Ирбитского райкома ВКП(б) Котов снят с работы. Вопрос о партийности Котова передан на разрешение Уполномоченному Комиссии Партийного Контроля. Заведующий земельным отделом Проскурнин исключен из партии и осужден на 6 лет тюремного заключения. На других участников попок наложены взыскания.

ДОРОГОЙ КРОКОДИЛ!

(ПИСЬМА ЧИТАТЕЛЕЙ)

Дорогой Крокодил!

Обращаюсь к тебе с большой просьбой: помоги мне пополнить наши музеи чрезвычайно ценными экспонатами. Чего стоит председатель Оренбургского горсовета Степанов! Понравилось в прошлом году Оренбургскому горсовету помещение музея, и он выселил музей в бывшую церковь. На ремонт церковного здания Наркомпрос отпустил горсовету 150 тысяч рублей. А ремонт? Подождет! А музейные экспонаты? Пусть портятся!.. Пишет Наркомпрос Степанову раз, пишет другой, третий, четвертый раз. А он, Степанов, — ни гу-гу! Разве не достоин такой Степанов стать замечательным экспонатом в специальной галерее ревнителю старины?!

А почему бы не включить в эту галерею и вершителей судеб Верхотурского музея, Кунгурского музея и Чердынского музея? Все они, заметь, из Свердловской области. Подумай только, некоторые из этих музеев не ремонтировались по 20—30 лет! Музеи почти ликвидированы, но зато райисполкомы сэкономили тысячи рублей, предназначенные на ремонт. А сколько экономии получится теперь от того, что не придется тратиться на аппарат и на содержание музеев?!

Неужели ты, дорогой Крокодил, не возьмешь этого дела в свои крокодилий лапы?! Неужели ты позволишь героям оставаться в неизвестности?! Не верю! Не могу поверить этому!

Заведующий Музейным отделом Наркомпроса

ФЕЛИКС КОН

Дорогой Крокодил!

Смотрел недавно новый фильм «Конduit». Странное впечатление произвел фильм на меня. А ребята, по крайней мере большинство их, решили: «Как весело жилось в старой гимназии!»

Скажу прямо, фильм «Конduit» ничуть не помогает укреплению дисциплины в советской школе. Наоборот, он способен только породить среди наших школьников бессмысленное лихачество, граничащее с хулиганством. Фильм поможет наиболее отсталой части наших ребят перенести «веселые проделки» из фильма «Конduit» в школу, в класс. Едва ли советские педагоги поблагодарят за это режиссера Шелонцева.

В какой же «конduit», дорогой Крокодил, занесешь ты режиссера Шелонцева?

Преподаватель 28-й школы Октябрьского района Москвы
ЖАК ГОЛЬДШТЕЙН

Глубокоуважаемый Крокодил!

21 мая я прочитал в газете «Сталинский путь», органе Бударинского райкома ВКП(б), заметку, которая меня как специалиста-животновода чрезвычайно потрясла:

«Свиноматки Паша и Нюра опоросили по 14 поросят. Вес каждого поросенка 18½ килограммов.

Они здоровые и жизнеспособные».

Под заметкой подпись: «Зав. СТФ Фимин. Колхоз «Красное знамя».

Насколько я знаю животноводство, это был единственный случай за все время существования животноводства во всем мире, когда свиноматка опоросилась сразу двумя стами пятьюдесятью девятью килограммами живого веса!

Я решил съездить в этот колхоз, чтобы полюбоваться на это чудо природы. Что же оказалось? Оказалось, что там, на ферме, заведующего СТФ по фамилии Фимин и вовсе нет. Это было таким же враньем, как и 28 новорожденных поросят весом по 18½ килограммов.

Очень прошу воздействовать на редактора совравшей газеты Юрия Тишенинова, чтобы тот оплатил мне зря потраченные деньги на поездку в колхоз «Красное знамя».

Для того чтобы удостовериться только в том, что редактируемая им газета повседневно врет, мне не надо было даже выезжать из г. Урюпино, где я постоянно проживаю.

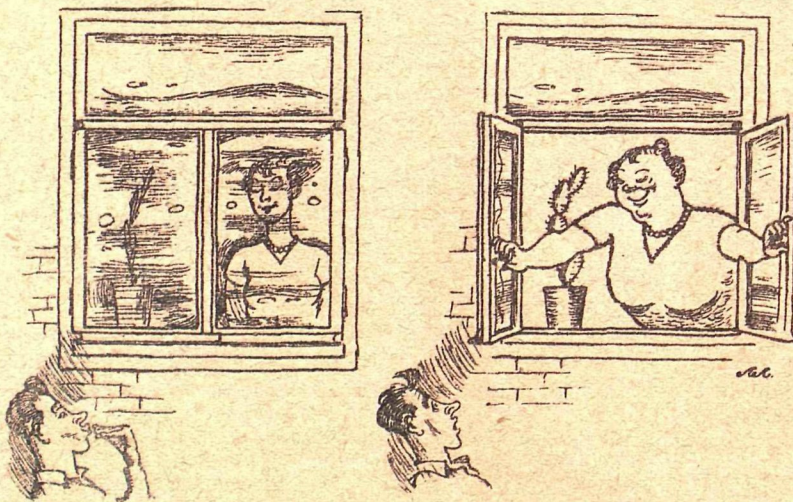
Зоотехник

Н. УСПЕНСКИЙ

Урюпино, Сталинградского края, Государственная заводская конюшня.

ЛЮБОВЬ И СТЕКОЛЬНАЯ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ

Рис. Л. Л.

Как иногда начинается серенада, когда объект любви виден за стеклами.

...и чем она кончается, когда окно открыто.

Дорогой Крокодил!

Сообщаю тебе рекорд дрессировки собак, поставленный заведующим буфетом-закусочной трудобеликовского сельпо (Красноармейский район, Азово-Черноморского края). Его собака успешно регулирует спрос и предложение: она лежит на соломе у входа в буфет и грозно рычит и лает на каждого посетителя. Поэтому трудобеликовский буфет посещают главным образом пьяные. Трезвые же люди, полюбовавшись на могучего сторожа, величиной с теленка, охраняющего буфет от посетителей, довольно быстро ретируются восвояси.

Ф. МОСКОВЧЕНКО

ст. Красноармейская.

Дорогой Крокодил!

Не знаю, как в других городах, а у нас в Минске кампания озеленения города уже проведена: заборы, ворота, ставни, урны — все, поддающееся окрашиванию, покрыто одной сплошной яркой, ядовитозеленой краской. Город утопает в зелени. Научи нас теперь способу, как нам раззелениться.

Н. СМОЖЕВСКИЙ

г. Минск.

РЕДАКЦИЯ ПРОСИТ ТОВАРИЩЕЙ НАПРАВЛЯЮЩИХ В КРОКОДИЛ ИНТЕРЕСНЫЕ ДОКУМЕНТЫ ДЛЯ ПУБЛИКОВАНИЯ В ПЕЧАТИ, ЗАВЕРЯТЬ ЭТИ ДОКУМЕНТЫ, В ПРОТИВНОМ СЛУЧАЕ РЕДАКЦИЯ НЕ СМОЖЕТ ИСПОЛЬЗОВАТЬ ДАЖЕ САМЫЙ ИНТЕРЕСНЫЙ МАТЕРИАЛ.

Рис. Л. Бродаты

— Вы что, переезжаете на новую квартиру?
— Нет, мы только с'езжаем со старой.

СПОРТСМЕН

Студент Вася Кургузов давно уже не был в родном городе. Зимой он приехал на каникулы из Москвы. Ходил по вечеринкам, рассказывал о московских театрах, хвастался своими спортивными достижениями. Поглядывая на замерзшие окна, говорил:

— Плаваю как рыба. По-собачьи, например. Мои последние заплывы на спине, на животе всех восхитили. Ну, надо мною все трясутся, захваливают. А я говорю: «Отстаньте, ребята!..» И действительно, как я в бассейн, так все и отстанут от меня. Я один. Как гордый сокол.

— Да ведь соколы не плавают, — сказал кто-то.

— Ну, ворон. Чайка. Не все равно?.. Эх, у вас здесь негде показать класс брасс, — и Вася Кургузов расправил руки.

— Почему нельзя?

— А где же? В бочке из-под капусты?

— Почему из-под капусты. У нас уж тут второй год бассейн работает... Пойдем, покажи класс брасс...

Вася отказался, сославшись на переутомление. Весной он приехал на каникулы. Ходил по вечеринкам, рассказывал о московских театрах, хвастался своими спортивными достижениями. Поглядывая на раскрытые окна, говорил:

— Я увлекаюсь теперь лыжами. Фотографы проходу не дают. Но не могут меня снять. Нет такой выдержки у аппарата. А я с бывших Воробьевых гор несусь как гордый сокол...

И Вася, разведя руки, смотрел на своих притихших земляков, вытирал со лба пот. Солнце припекало уже по-летнему.

В. Т.

Редактор — МИХАИЛ КОЛЬЦОВ

Редакция: Л. ЛАГИН, В. ЕРМИЛОВ, Б. ЛЕВИН, Л. РОВИНСКИЙ

Рукописи не возвращаются

Адрес ред.: Москва, ул. „Правды“, 24; тел. Д 3-33-46; Д 3-33-47. Прием ежедн. с 1 до 5 час. ● Подписная цена — 1 р. 20 к. в месяц. ● Изд-во ЦК ВКП(б) „Правда“.

Москва. Изд. № 577

Сдача текста и рисунков 3/VI-36 г.

Подп. к печ. 10/VI-36 г.

Статформат 72 × 105

Печ. л. 2. Кол. зн. в 1 печ. л. 120 000.

Уполномоч. Главлита Б — 24 653.

Типография газ. „Правда“ им. Сталина, Москва, ул. „Правды“, 24.

Заказ № 1226. Тираж 266 000.

На обустройство трудящихся
 Сети для трудящихся...
 Проект постановления ЦИК и СНК
 о запрете абортов, утверждении материнского капитала и расширения сети родильных домов, детских яслей и детских садов, успешной работы в законодательстве о районах

Б Е С П Л О Д Н А Я М Е Ч Т А

- Неужели все многосемейные будут получать пособия?
- А у вас что—много детей?
- Нет. Много семей.

Рис. М. Черемных